

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (195)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

М. М. Давдамаева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА В ВАВИЛОНИИ

Понятие «эпоха эллинизма», которым традиционно обозначают период от начала походов Александра Македонского до конца I в. до н. э., весьма условно по отношению к Вавилонии. Концом эллинистического периода считается завоевание Египта Римом (31 г. до н. э.), однако если Египет в течение трех столетий находился под властью греческой династии Птоломеев, то Вавилония в последней четверти II в. до н. э. становится частью парфянского царства, и тогда, по-видимому, происходят серьезные перемены в жизни и культуре страны, давшие толчок процессам, продолжавшимся и в первые века новой эры. Конец же I в. до н. э., считающийся концом эллинистического периода, — рубеж для Вавилонии совершенно условный. Греческая культура и язык продолжали играть там важную роль на протяжении нескольких веков после перехода власти от греческой династии Селевкидов к парфянам, поэтому концом эллинистического периода в Вавилонии, по нашему мнению, следует считать конец II — начало III в. н. э., когда греческая культура в этой области теряет свое значение¹. В таком случае в истории Вавилонии эпоха эллинизма, пришедшая на смену ахеменидскому периоду, сменяется эпохой Сасанидов. Внутри эллинистической эпохи следует выделять селевкидский и парфянский периоды, так как парфянское завоевание Вавилонии привело не только к смене династий, но и к изменениям в социально-политической и культурной жизни страны. Римское влияние в культуре Вавилонии, в отличие от расположенных к западу от нее областей, видимо, не было значительным. Лишь в текстах и памятниках материальной культуры из расположенного на границе с Сирией городка Дура-Эвропоса с конца II в. н. э. греческие элементы вытесняются римскими.

В октябре 331 г. до н. э. жители Вавилона, если верить красочному рассказу Курция Руфа (V.1.19—23), стоя на городских стенах, приветствовали приближавшееся к городу войско Александра. Отныне вавилонянам предстояло жить под властью новых завоевателей, сменивших персов, а грекам — осваиваться в чужой стране, известной им в основном по слухам и рассказам писателей, часто полуфантастическим. Чужеземные династии не были редкостью для Месопотамии, по которой в течение четырех тысячелетий ее истории прокатилась не одна волна завоевателей,

¹ Начиная с ахеменидского времени в культуре Вавилонии присутствуют иранские элементы, однако влияние греческой культуры, судя по сохранившимся источникам, вплоть до эпохи Сасанидов было преобладающим.

однако никогда еще страной не правил народ, обладавший столь высоко-развитой и при этом столь чуждой вавилонянам культурой, как греческая. Подобное столкновение двух устоявшихся высокоразвитых культур, не часто встречающееся в истории древности, составляет специфику сосуществования греков и вавилонян, представляющую особый интерес для исследователя. Вавилоняне, которые обычно ассимилировали завоевателей и в свою очередь заимствовали некоторые элементы их языка, искусства или религиозных представлений, на этот раз стремились не только выстоять в столкновении с греческой цивилизацией, сохранить свою традиционную культуру, но и продемонстрировать властителям, сколь древней и богатой была она. Именно это стремление, а не только приверженность к старине, вероятно, вдохновило вавилонянина Бероса (конец IV — начало III в. до н. э.) написать, основываясь на древних текстах, историю своей страны на греческом языке, а жителей древнего города Урука подчеркнуто строго придерживаться вавилонских традиций в архитектуре построенных в селевкидское время храмов; по этой же причине, по-видимому, представители знатных родов Урука старались не давать своим детям греческих имен, тщательно выбирая для них традиционные урукские. Еще более непривычной оказалась сложившаяся ситуация для греков. Ведь если для Месопотамии всегда было характерно смешение народов и языков, взаимодействие которых особенно усилилось в рамках Ахеменидской державы, наследницей которой стала империя Селевкидов, и в эпоху эллинизма были лишь расширены границы этого взаимодействия, то греки прежде не знали над собой чужеземной власти, не господствовали над другими народами и тем самым до конца IV в. до н. э. не имели широких контактов с иноземцами (кроме, разумеется, греческих колонистов). Перед горсткой греков, поселившихся в Вавилонии, стояла по сути дела та же задача, что и перед подвластными им вавилонянами: сохранить свою культуру, свои обычаи, остаться греками в «варварской» стране². Не следует думать, однако, что в Вавилонии в это время обитали лишь греки и вавилоняне, и взаимоотношения греков с местным населением страны сводились к контактам с вавилонянами. Так, например, Иосиф Флавий (I в. н. э.) сообщает, что в Селевкии на Тигре, столице Вавилонии, живут в основном греки, много македонян и немало сирийцев (Ant. Jud. XVIII. 372 sq.). Вопрос о том, кого именно Иосиф Флавий называл сирийцами, вызвал немало споров среди исследователей³. Однако объяснение этому этнониму можно найти у самого историка. В первой главе «Иудейских древностей» (I.144) Иосиф Флавий сообщает, что «Арам правил арамеями, которых греки называют сирийцами». Выходец из Сирии Посидоний тоже говорил, что народы, которых греки называют сирийцами, сами себя называют арамеями (Strabo. I.2.34). Таким образом, негреческое население Селевкии в I в. н. э. было арамейским. Арамейские имена носили, как мы увидим, и местные жители другого греческого города Вавилонии — Дура-Эвропоса, причем уже, видимо, в селевкидское время. Арамейским, во всяком случае в III в. н. э., было, вероятно, население расположенной в Северной Месопотамии Эдессы, так как

² Следует заметить, впрочем, что греки при этом хорошо сознавали, что вавилонская культура была гораздо древнее их собственной, и уже поэтому относились к ней с уважением, признавая авторитет вавилонян в ряде областей, прежде всего в математике и астрономии, а позже — в астрологии.

³ Подробный обзор различных толкований этого места сделан Д. Гудблатом (*Go-odblatt D. Josephus on Parthian Babylonia (Antiquities XVIII. 310—379) // JAOS. 1987. V. 107. № 4. P. 606 f., 613 ff.*).

большинство персонажей единственного известного сегодня документа из этого города ⁴ носит арамейские или римско-арамейские имена. Можно думать, что арамеи составляли значительную часть населения Месопотамии в конце I тыс. до н. э. и в первые века следующего тысячелетия ⁵. Однако понятия «арамей» и «арамейская культура» для эллинистического времени кажутся гораздо менее определенными, чем «грек» или «вавилонянин». Можно предполагать, что в эпоху эллинизма арамейское население Месопотамии представляло собой довольно пестрый с этнической точки зрения конгломерат людей, говоривших на арамейском языке. Среди них, несомненно, уже к началу селевкидского периода растворилась значительная часть вавилонян, и процесс этот продолжался в эллинистическое время. О социальных преобразованиях арамеев, их образе жизни нам почти ничего не известно, так как из Вавилонии до нас не дошло почти никаких документов этого времени на арамейском языке. Отсюда, разумеется, не следует, что таких документов, в том числе, может быть, даже литературных текстов, было мало — по-арамейски писали в основном на коже, для которой губителен жаркий и влажный климат Месопотамии.

В эллинистической Вавилонии жили и иудеи. По свидетельству того же Иосифа Флавия, Антиох III переселил из Месопотамии в Лидию и Фригию, где назревали беспорядки, две тысячи иудейских семей (Ant. Jud. XII.147—149). В Вавилонии были иудейские города Нерда и Нисибис. Иосиф Флавий говорит о постоянной вражде, царившей между иудеями и вавилонянами и не раз доходившей до открытых столкновений. Причиной этой вражды была, по мнению историка, «разница в законах» (Ant. Jud. XVIII.371). В Вавилонии жили также персы, позже парфяне, в первые века новой эры туда начинают проникать арабы с Аравийского полуострова, о чем свидетельствуют найденные в Вавилонии арабские надписи.

Развитие греческой и вавилонской культур и их взаимодействие в эллинистическую эпоху происходило, таким образом, на фоне существования прочего населения Вавилонии, прежде всего арамейского, опасность растворения среди которого постоянно грозила и грекам и вавилонянам и в первые века новой эры превратилась в реальность. Для греков средством сохранить свои обычаи, культуру и вообще себя как народ стали полисы ⁶ с традиционными греческими устоями и институтами. Обязательным условием существования полисов, одновременно являвшимся и условием сохранения греков и греческой культуры на Востоке, была замкнутость этих коллективов, связанная с их полуавтономией и привилегированным положением в империи Селевкидов ⁷. Между греками — гражданами полиса и прочим населением страны в селевкидское время

⁴ Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Report. 5. Pt I. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959. № 23.

⁵ Арамейские племена, как полагают, появились в Месопотамии и Северной Сирии в конце II тыс. до н. э. В VIII—VII вв. до н. э. переселенческая политика ассирийских царей способствовала процессу ассимиляции арамеев с ассирийцами и вавилонянами, сопровождавшемуся широким распространением арамейского языка в Передней Азии. Одна из форм арамейского стала официальным языком империи Ахеменидов (Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 353—355; Malamat A. The Aramaeans // Peoples of Old Testament Times. Oxf., 1973. P. 134—155. Там же приведен список литературы по этому вопросу).

⁶ Характерные черты и судьба греческого полиса в империи Селевкидов в советской историографии наиболее подробно рассмотрены Г. А. Кошеленко (Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979).

⁷ Там же. С. 288—292.

стояла преграда если не непреодолимая, то во всяком случае трудно-преодолимая, препятствовавшая растворению греков и греческой культуры среди «варваров». Для вавилонян подобные функции выполняла гражданско-храмовая община, похожая в селевкидское время на полис по некоторым чертам своей организации и статусу в империи Селевкидов⁸. Община, как и полис, была достаточно замкнута и обладала самоуправлением, степень которого, как справедливо заметил МакДоуэлл, реально была, вероятно, выше, чем, например, у столицы Вавилонии Селевкии на Тигре, всегда находившейся в поле зрения царя⁹. К изучению этих двух социальных образований, полиса и гражданско-храмовой общины, и следует обратиться, рассматривая судьбу и взаимоотношения греков и вавилонян и их культур в эллинистическое время. Письменные источники, на которые при этом приходится опираться, делятся на две большие группы: клинописные тексты, обнаруженные почти исключительно в Уруке и Вавилоне, и грекоязычные источники, среди которых можно выделить нарративные произведения, документы из Дура-Эвропоса и эпиграфические памятники, найденные в разных городах Вавилонии. Следует иметь в виду, что источники эти при всем их многообразии немногочисленны и весьма неравномерно распределены с хронологической точки зрения. Так, клинописные тексты (в основном частно-правовые и административные документы) относятся лишь к селевкидскому и к самому началу парфянского времени. Тексты эти, хотя и содержат ценные сведения о некоторых конкретных сторонах жизни храмовых общин, не дают представления об обстановке в стране (или даже в одном городе) в целом. С другой стороны, грекоязычные документы и надписи датируются в основном парфянским временем, и нам остается лишь пытаться проецировать их данные на селевкидское время. Нарративные источники тоже относятся к I в. до н. э. и более позднему времени, но тут следует учитывать, что многие античные авторы были компиляторами, переписывавшими выдержки из трудов своих предшественников, и, таким образом, сообщения греческих историков, не знавших современной им ситуации в Вавилонии, могут «отставать» от своего времени. Другой серьезной проблемой остается сопоставление сообщений письменных источников с данными археологии. Даже в таких хорошо раскопанных городах, как Дура-Эвропос и Вавилон, часто нелегко увязать сведения надписей с археологическими находками. Площадь же раскопок в Уруке и Селевкии на Тигре невелика, и общий облик этих городов мог быть не таким, как кажется сегодня. В некоторых других городах, например в Ниппуре, археологический материал эллинистического времени не сопровождается никакими памятниками, поэтому трудно что-либо сказать об этническом составе населения города. Таким образом, наши представления об эллинистической Вавилонии, основанные на немногочисленных сохранившихся источниках, могут быть весьма несовершенными.

Греческих городов на территории всей Месопотамии, судя по упоминаниям в письменных источниках и археологическим данным, было не менее тридцати. Это в два-три раза больше, чем для других областей

⁸ О гражданско-храмовой общине в селевкидской Вавилонии см.: *Саркисян Г. Х.* Само управляющийся город селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68—83; *он же.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Saeco-Babyloniaca* // Древний Восток. 1976. № 2. С. 181 сл.

⁹ *McDowell R. H.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. *Ann Arbor*, 1935. P. 171 f.

империи Селевкидов (за исключением Сирии и Малой Азии)¹⁰, что свидетельствует, по-видимому, о большей степени эллинизации Месопотамии. Однако подавляющее большинство этих населенных пунктов известно нам лишь по названиям. Исключение составляют столица Вавилонии Селевкия на Тигре, маленький провинциальный городок на границе с Сирией Дура-Эвропос и греческий полис в Вавилоне.

Греческие полисы, как правило, создавались рядом с существовавшими уже местными поселениями. Селевкия на Тигре, например, была основана на месте Описа (Strabo. XVI.1.9)¹¹, небольшого торгового города на пути в Персию, и греки жили по соседству с коренными обитателями этой местности. Кроме того, античные и клинописные источники сообщают, что в новую столицу была переселена часть жителей Вавилона¹². Греческий город Эвропос, получивший свое название от македонской деревушки, в которой родился Селевк Никатор, был основан рядом с местным поселением Дура. «Дура ... у эллинов зовется Эвропос», — писал живший в I в. н. э. географ и путешественник Исидор Харакский (Map. Parth. 1). В единственном известном нам документе селевкидского времени (II в. до н. э.), обнаруженном в этом городе¹³, и в документах I—II вв. н. э. почти все персонажи — греки или македоняне, город назывался исключительно Эвропосом, а граждане его — *Ευρωπαῖοι*. Однако название Дура не исчезло, по-видимому, после основания Эвропоса, а продолжало сосуществовать с ним на протяжении всего селевкидского и в начале парфянского периода, так как оно появляется в надписях первых веков новой эры, а в документах III в. н. э. (когда в Дура-Эвропосе был размещен римский гарнизон) полностью вытесняет греческое название города. Вероятно, долгая жизнь местного топонима, пережившего греческий, объяснялась существованием двух районов города или полисов; греческая носила название Эвропос, местная — Дура¹⁴. По всей видимости, так обычно и было организовано население в основанных Селевкидами городах, причем районы могли отделяться друг от друга каналом или даже стеной¹⁵.

В селевкидское и раннепарфянское время греки и местное население страны жили обособленно, и те и другие в соответствии со своими обычаями и социально-политическими установлениями. Это хорошо видно на примере Вавилона, единственного города, поздний период истории которого известен и по грекоязычным и по клинописным источникам. Знаменитая некогда своим богатством и могуществом столица Вавилонии в эллинистическое время становится для античных авторов символом недолговечности всякого величия (см., например, Luc. Charon. 23). Главными бедами, постигшими Вавилон и окончательно подорвавшими его былое могущество, по свидетельству античных и клинописных источни-

¹⁰ Материал собран Г. А. Кошеленко (Ук. соч. С. 80—180).

¹¹ См. также: McDowell R. H. The History of Seleucia from Classical Sources // Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris / Ed. C. Hopkins. Ann Arbor, 1972. P. 149 f.

¹² Paus. I.16.3. О переселении вавилонян в Селевкию сообщает вкрапленный в клинописные астрономические дневники рассказ о нескольких годах правления Антиоха I (ВНТ. № 6: 16—17).

¹³ Welles, Fink, Gilliam. Op. cit. № 15.

¹⁴ Так же обстояло дело в парфянское время и в Сузах: парфяне старались употреблять местное название «Сузы», греки называли город Селевкией (Кошеленко Г. А., Новиков С. В. Манумиссии Селевкии на Эвфре // ВДИ. 1979. № 2. С. 46. Прим. 22).

¹⁵ Кошеленко. Ук. соч. С. 251. О «двойных» городах в других областях империи Селевкидов, а также за ее пределами см. Spek R. J. van der. Grondbezit in het Seleucidische Rijk. Amsterdam, 1986. P. 50.

жов, стали борьба диадохов¹⁶ и основание Селевкии на Тигре, куда была переселена часть жителей Вавилона. На территории «вычерпанного», по словам Страбона (XVI.1.5), Селевкией Вавилона находилась, однако, храмовая община, неоспоримым свидетельством существования которой служат несколько десятков недавно опубликованных клинописных текстов из главного храма города — святилища бога Мардука Эсагилы (СТ 49). Расчистка развалин разрушенной персами Эсагилы началась еще по приказу Александра (Arr. Anab. III.16.4—5; Strabo. XVI.1.5). В клинописных документах конца IV в. до н. э. (СТ 49: №№ 5, 6) упомянут налог, выплачиваемый частными лицами на восстановление Эсагилы. В рассказе о правлении Антиоха I (ВНТ. № 6: 19) сообщается, что даже в тяжелом для города 274 г. до н. э., когда жители разоренного из-за подготовки Антиоха к первой Сирийской войне Вавилона умирали от голода и продавали в рабство своих детей, в городе было изготовлено много кирпичей для восстановления храма Мардука (в этом же году Антиох переселил часть вавилонян в Селевкию). Составленная от лица Антиоха I клинописная строительная надпись (VAB 3. P. 132—135) сообщает о восстановлении им Эсагилы и Эзиды (храма бога Набу в находившейся недалеко от Вавилона Борсиппе). Антиох, как сообщает надпись, по обычаю вавилонских царей сам изготовил и заложил первый кирпич храмов. Характерно, что и этот обряд, и титулатура царя остаются вавилонскими. Несмотря на все старания Эсагила, по всей видимости, не была целиком восстановлена, хотя и продолжала функционировать. Об этом было известно и античным авторам: Павсаний сообщает, что благочестивый Селевк оставил в городе лишь храм Бела (т. е. Мардука) и разрешил «халдеям» (в понимании греков халдей — вавилонский жрец) жить вокруг него (Paus. I.16.3). Плиний Старший также писал, что в опустевшем Вавилоне остался лишь храм Юпитера-Бела (NH. VI.121)¹⁷.

Насколько позволяют судить клинописные административно-хозяйственные тексты из эллинистического Вавилона (они охватывают период от царствования Александра до начала I в. до н. э.), структура вавилонской храмовой общины остается той же, что и в более ранние периоды. Во главе храма, как и прежде, стоят управляющий *šatammu* и храмовая коллегия (*LÚ UKKIN*)¹⁸. В текстах почти не заметно следов эллинизации вавилонской общины, греческие имена встречаются редко, персидские несколько чаще.

Рядом с живой своей обычной жизнью храмовой общиной Вавилона появился греческий полис. Фрагмент греческой надписи (OGIS I. № 253), найденной, по словам местного жителя¹⁹, между Вавилоном и Борсип-

¹⁶ О бедствиях Вавилона во время борьбы диадохов сообщает клинописная хроника селевкидского времени (так называемая «Хроника Диадохов»): ABC. № 10: rev. 26—40; ВНТ. № 5: rev. 26—40. О разорении города Антигоном Одноглазым и Деметрием упоминает и греческая традиция (*Plut. Demet.* 7).

¹⁷ Античные авторы, представлявшие себе храм на греческий образец, конечно, не знали, что в Вавилонии не было специального жреческого сословия и само существование храма предполагало наличие значительного населения, необходимого для поддержания храма в порядке, «обслуживания» статуй богов, подготовки многочисленных и сложных церемоний, обработки храмовых земель и т. д. Таким образом, Павсаний и Плиний, сами того не подозревая, приводят свидетельства существования в Вавилонии значительного населения.

¹⁸ *LÚ UKKIN* в селевкидских текстах принято понимать как *puḫru* — «храмовое собрание». Однако более убедительна, как нам кажется, точка зрения фон Зодена и ван дер Спек, предлагающих читать эту идеограмму как *kiništu* — «храмовая коллегия» (АНw. *kiništu*. S. 480 b; *puḫru*. S. 877a; *Spek van der*. Op. cit. P. 60—61, 123. Not. 74).

¹⁹ *Spek van der*. Op. cit. P. 72.

пой, называет Антиоха IV Эпифана основателем (κτίστης) полиса. Эта надпись получила многочисленные толкования. Некоторые исследователи полагали, что κτίστης употребляется здесь в смысле «строитель», а не «основатель», и Антиоха вменялось в заслугу восстановление развалин Вавилона²⁰. В соответствии с другой точкой зрения Антиох даровал Вавилону статус полиса²¹. В пользу этого предположения говорит, казалось бы, несколько раз встречающееся в астрономических дневниках из Вавилона слово pu-li-te₄-e (в разных вариантах), что соответствует греческому «политы» — граждане²². Трудно, однако, представить себе, что Антиох мог даровать храмовой общине с типично вавилонскими институтами статус полиса. Скорее, как нам кажется, Антиох Эпифан называл себя основателем не Вавилона, а именно полиса, т. е. греческого поселения, там расположенного²³. Нарративные и эпиграфические источники приписывали Селевку Никатору основание Эвропоса и Селевкии на Тигре, но при этом не имелось в виду, что Селевк основал Дуру и Опис, рядом с которыми выросли эти полисы. Скорее всего, полис, расположенный рядом с Вавилоном, имел и свое собственное, разумеется греческое, название, которое нам неизвестно²⁴. Благодаря нескольким греческим надписям раннепарфянского времени, обнаруженным в Вавилоне²⁵, мы знаем, что в полисе функционировал гимнасий, устраивались греческие игры и праздники, издавались декреты от имени полиса. В городе был даже театр. Не ясно, однако, в какой именно части Вавилона находился полис. Археологи полагали, что греческие кварталы следует искать вблизи от театра, в северо-восточном районе города, но их поиски не увенчались успехом. С другой стороны, надпись, называющая Антиоха основателем полиса, была найдена, вероятно, на юго-западе Вавилона. Прочие греческие надписи из Вавилона были опубликованы в начале нашего столетия и их точное местонахождение сейчас уже нельзя установить.

Если судить по официальным греческим надписям из Вавилона, то жизнь греческого полиса кажется лишенной каких бы то ни было восточных элементов. Такие же декреты и посвятельные надписи, как здесь, можно встретить в любом полисе греческого мира. О контактах же греческого и местного населения свидетельствует обнаруженный, по всей видимости тоже в Вавилоне, черепок с греческой надписью, в переводе звучащей как «Аристей, другое имя которого Арду-белти»²⁶. Аристей имеет второе, вавилонское, имя (Арду-белти — «слуга Белти»), более того, употребленный автором надписи оборот ὡς ἄλλο ὄνομα (другое имя

²⁰ См., например: *Schmidt E.* Die Griechen in Babylon und das Weiterleben ihrer Kultur // AA. 1941. S. 811 ff.; *McEwan G. J. P.* Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981. P. 196.

²¹ *Oelsner J.* Materialien zur babylonischen Gesellschaft und Kultur in hellenistischer Zeit. Budapest, 1986. P. 125.

²² Ibid. S. 389. Anm. 498.

²³ Cp. *Spek van der.* Op. cit. P. 71.

²⁴ Значение термина «политы» в клинописных текстах остается неясным. Наиболее убедительным нам кажется толкование ван дер Speka, полагающего, что политами клинописные источники называли граждан греческого полиса в отличие от «вавилонян» (Op. cit. P. 74). Во всяком случае, в тексте 77 г. до н. э. упомянуты обе эти категории жителей Вавилона (текст опубликован в работе: *McEwan G. J. P.* A Parthian Campaign against Elymais in 77 B. C. // Iran. 1986. V. 24. P. 91).

²⁵ Наиболее важные греческие надписи из Вавилона: OGIS I. № 253, 254; *Haus-soullier B.* Inscriptions grecques de Babylone // Klio. 1909. Bd 9. Ht 2. S. 352—363; *Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A.* Das Babylon der Spätzeit. B., 1957. S. 49—51.

²⁶ *Haussoullier.* Op. cit. № 3.

жоторого) является калькой с аккадского выражения *ša šumšu šanû*, часто встречающегося в клинописных текстах селевкидского времени из Урука. Для нормативного греческого языка такой оборот совершенно несвойствен. Установить этническую принадлежность Аристеев на основании имеющихся у нас данных невозможно, ясно лишь, что он знал аккадский язык, причем, вероятно, лучше, чем греческий, если допускал в своей речи «аккадизмы». Основное же значение этой маленькой надписи в том, что она является одним из самых ярких свидетельств контактов греков и вавилонян в эллинистическое время.

Можно думать, что жизнь в Вавилоне изменилась с приходом парфян, хотя свидетельства, которыми мы располагаем, и в этом случае весьма скудны и неясны. Парфяне завоевали Вавилонию в 141 г. до н. э. В 130 г. до н. э. Антиох VII предпринял неудачную попытку вернуть себе эту область. Короткое время город находился под властью бывшего наместника Антиоха VII, сына царя арабов Гиспаосина, основавшего Харакенское царство на юге Вавилонии, так как изданное в 127 г. до н. э. постановление собрания Эсагилы датировано правлением этого царя²⁷. Начиная со 126/125 г. до н. э. все клинописные документы из Вавилона датируются уже лишь по царям династии Аршакидов. О правлении одного из парфянских наместников — Гимера, которое приходилось на 20-е годы II в. до н. э. (возможно, непосредственно перед Гиспаосином²⁸), рассказывает Диодор (XXXIV.21). Гимер переселил в Мидию многие семьи вавилонян, приказав продать их в рабство, как военнопленных, сжег в Вавилоне агору, некоторые из храмовых построек и уничтожил «все лучшее» в городе. Гимеру, однако, не удалось окончательно разрушить Вавилон, так как одна из найденных там греческих надписей (декрет в честь победивших в спортивных соревнованиях учеников гимнасия) была составлена в 109 г. до н. э.²⁹, а самые поздние документы храмовой отчетности датируются началом I в. до н. э. Астрономические же записи велись, по крайней мере, до последней четверти I в. н. э. Интересно, что в упомянутом выше (прим. 24) астрономическом тексте 77 г. до н. э. фигурирует человек с персидским (!) именем, исполнявший должность «вместо» управляющего Эсагилы (Rev. 15: *šā ak-ku-û LÛ ŠĀ. TAM*). Эсагила, следовательно, в то время продолжала функционировать. Некоторые античные авторы упоминают Вавилон в связи с событиями I в. до н. э. (Plut. Crass. 17; Just. XLII.4.2). Другие же писатели позднего эллинистического времени были уверены в том, что город превратился в пустыню (Strabo. XVI. 1.5; Plin. NH. VI.122). Курций Руф (V.1.27) и Диодор (II.9.9) говорят даже, что территория Вавилона внутри городских стен была превращена в пахотную землю. Флавий Филострат, описывая сказочное могущество Вавилона и, как всегда, соединяя самые нелепые фантазии с крупицами правды, роняет фразу о том, что окрестности Вавилона заросли полынью (Vit. Ap. I.21). Постоянные смуты, царившие, по-видимому, в Вавилонии при парфянах, иллюстрирует рассказанная Иосифом Флавием (Ant. Jud. XVIII.310—371) история о возглавленной двумя братьями-иудеями разбойничьей шайке, которая в течение 15 лет держала Вавилонию в страхе, взимая дань с населения и разоряя деревни. Иосиф Флавий вскользь упоминает еще какие-то смуты или восстания среди вавилонян (Vit. Jos. 177). Дион Кассий, рассказы-

²⁷ Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970. S. 319—324. Anm. 57.

²⁸ Oelsner. Op. cit. S. 64, 309. Anm. 110.

²⁹ Haussouleier. Op. cit. № 1.

вая о завоевании Вавилона Траяном (116 г. н. э.), замечает, что город опустел, разрушенный в правление парфян из-за междоусобных войн, и во время похода Траяна, по словам писателя, тоже происходили восстания (Dion. Cass. LXVIII.26). Несомненно, что в первые века новой эры Вавилон превратился в совсем незначительное поселение, но окончательно покинут он не был, так как, судя по обнаруженной в Пальмире надписи, там в первой четверти I в. н. э. находилась колония пальмирских купцов³⁰.

Та обособленность греков от местных жителей и следование полисным традициям, которые мы могли наблюдать в Вавилоне, были характерны и для других греческих городов страны. Так, античная традиция постоянно подчеркивает, что жители *Селевкии на Тигре* хранили греческие обычаи и полисное устройство. В городе функционировал Совет трехсот и, возможно, народное собрание (Plut. Crass. 32; Tac. Ann. VI.42). Немногие найденные в Селевкии греческие надписи³¹ содержат почти исключительно греко-македонские имена и обычные для греков названия должностей (гимнасиарх, агонотет и др.). Новая столица Вавилонии не стала крупным культурным центром эллинистического мира, как, например, Александрия, но и там культивировалась греческая наука и философия, был построен театр³², Селевкия поддерживала культурные связи с материковой Грецией и всем эллинистическим миром. Преобладание в городе греко-македонского населения подтверждается и археологическим материалом. Однако начиная с 40-х годов I в. н. э. (датировать археологический слой помогают нумизматические находки) материальная культура Селевкии обнаруживает все меньше греческих черт³³. Резкая «деэллинизация» города последовала, по-видимому, за поражением «великого» восстания селевкийцев против Артабана II (III?) и его сына Вардана, поводом к которому послужил мятеж претендовавшего на престол римского ставленника Тиридата, тоже происходившего из рода Аршакидов (Tac. Ann. VI. 32, 37, 42; XI.8—9). Причины великого восстания, по словам Тацита (Ann. VI.42), заключались в том, что Артабан «отдал народ знати», мятежник же Тиридат предоставил власть в Селевкии народу. Как сообщает античная традиция, Селевкия всегда враждебно относилась к парфянам³⁴. Диодор (XXXIV.19) даже рассказывает о том, как селевкийцы обидели некоего стратега, видимо, парфянского наместника, за что парфянский царь обещал выколоть глаза всем жителям города. О сопротивлении, оказанном жителями Селевкии парфянам, свидетельствуют следы пожара, происшедшего, по мнению археологов, в самом начале парфянского периода³⁵. Можно думать, что недовольство парфянами при удобном случае вылилось в восстание, одной из главных целей которого, по всей видимости, было восстановление автономии города, так как на протяжении семи лет восстания Селевкия чеканила собственную монету, считая себя автономным городом. После 43 г. н. э., когда Селевкия, наконец, была взята Варданом, монеты автономной чеканки снова вытес-

³⁰ Cantineau J. Textes palmyréniens provenant de la fouille du temple de Bêl // Syria. 1931. T. XII. P. 122—123.

³¹ Надписи из Селевкии на Тигре собраны МакДуэллом (Stamped and Inscribed Objects...).

³² Topography and Architecture... P. 26—27.

³³ McDowell R. H. The Excavations at Seleucia on the Tigris // Papers of Michigan Academy of Sciences, Arts and Letters. 1932. V. 18. P. 117 ff.; Topography and Architecture... P. 67 ff.

³⁴ Joseph. Ant. Jud. XIII. 184—185; Plut. Crass. 17; Tac. Ann. VI. 42.

³⁵ Topography and Architecture... P. 5.

няются парфянскими³⁶. Враждебность Селевкии по отношению к парфянам и упорство, с которым город им сопротивлялся, свидетельствуют о том, что греческое население Селевкии в парфянский период продолжало играть важную роль в городе, что подтверждается и археологическим материалом. Греки, воспользовавшись мятежом Тиридата, хотели, вероятно, освободиться от власти парфян, те же, одержав, наконец, победу, в наказание грекам и во избежание повторения подобных беспорядков всячески пытались, по-видимому, ориентализировать город, рассматривая, таким образом, именно греков как источник свободоумслия Селевкии³⁷.

В городе, кроме греков, обитали и местные жители страны — «сирийцы», и, по словам Иосифа Флавия (Ant. Jud. XVIII.372—375), между ними и греко-македонским населением нередко были раздоры. Однако если благодаря клинописным текстам из Вавилона можно представить себе, хотя бы в общих чертах, социальную структуру и этнический состав коренных жителей города, то о социальной организации местного населения Селевкии на Тигре нам совсем ничего не известно, а о его этническом составе можно судить лишь по косвенным данным. В I в. н. э. это население, судя по свидетельству Иосифа Флавия, (см. выше), было арамейским, жители же Вавилона, переселенные сюда при первых Селевкидах, вероятно, ассимилировались с населением Описа и арамеизировались. Отдельные же элементы вавилонской культуры сохранялись в Селевкии очень долго, в частности, некоторые черты вавилонской архитектуры³⁸ и типичные для вавилонян захоронения под полом жилищ³⁹. При раскопках было обнаружено несколько клинописных табличек⁴⁰. Встречаются, хотя и очень редко, терракоты и печати, выполненные в чисто вавилонской манере. Географическое положение Описа заставляет думать, что там обитали и персы.

Если сведения о Селевкии на Тигре, столице Вавилонии, иногда встречаются у античных авторов, то маленький провинциальный городок *Эвропос* в нарративных источниках почти не упоминается. Однако благодаря многолетним раскопкам, проводившимся в Дуре-Эвропосе, в нашем распоряжении имеется несколько десятков документов и сотни надписей⁴¹ на греческом языке, которые дают возможность представить

³⁶ McDowell. The Excavations at Seleucia... P. 111 ff.

³⁷ Утверждение МакДовелла о том, что это восстание было восстанием негреческого населения против традиционного правящего класса — греков и эллинизированных элементов (Ibid. P. 118), звучит, на наш взгляд, парадоксом. Не ясно в таком случае, почему негреческое и оппозиционно настроенное по отношению к грекам население не выступало против власти Селевкидов, но так упорно боролось именно с парфянами, в частности, с Артабаном и Варданом, которые греками, как известно, не были. Кроме того, если антигреческое, как полагает исследователь, восстание потерпело поражение, то следовало бы ожидать нового расцвета греческой культуры в городе, а не полное ее вытеснение восточной. Гудблат также видит причину восстания в розни между греческим и негреческим (но эллинизированным) населением (Op. cit. P. 605—622). По мнению М. Штрека, причины восстания заключались в том, что Артабан ограничил автономию Селевкии, упразднив, в частности, народное собрание (*Streck M. Seleukeia am Tigris // RE. R. 2. Hlbd 3. 1921. Sp. 1162 f.*).

³⁸ Кошленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 121 сл.

³⁹ Topography and Architecture... P. 35—36.

⁴⁰ Doty L. T. A Cuneiform Tablet from Tell'Umar // Mesopotamia. 1978—1979. 13/14. P. 91. О других клинописных текстах из Селевкии см. Oelsner. Op. cit. S. 236 f.

⁴¹ Все пергаменты и папирусы из Дуре-Эвропоса опубликованы в указанном в прим. 4 труде. Часть надписей издана Ф. Кюмоном (*Cumont F. Fouilles de Doura-Europos: 1922—1923. T. I. P., 1926*), остальные содержатся в предварительных отчетах о раскопках: *The Excavations at Dura-Europos, Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Reports. V. I—IX. New Haven, 1929—1952 (далее — Prel. Rep.)*.

себе жизнь греков в Эврупосе гораздо лучше, чем в Селевкии на Тигре. Впрочем, почти все эти тексты датируются первыми веками новой эры, когда население города, судя по его ономастике, представляло собой пеструю смесь греков, арамейцев, персов и парфян, а позже иудеев, арабов, римлян. Однако есть целый комплекс надписей, в которых фигурируют персонажи с греко-македонскими именами, часто связанные родственными и брачными узами и представляющие собой компактное ядро греко-македонских семей города, восходящих, вероятно, к первым поселенцам Эврупоса. Многие из таких надписей обнаружены в святилище Артемиды, основанном, видимо, еще при первых Селевкидах ⁴². Эти люди, называющие себя гражданами Эврупоса, всячески подчеркивают свою родовитость, перечисляя имена обязательно двоих, а то и троих предков (столь же обширная патронимия приводилась и у женщин), тем самым выделяя себя среди арамейцев или персов с греческими именами, которых в то время в Дура-Эврупосе было немало ⁴³. Характерно, что в единственном известном нам документе селевкидского времени (см. прим. 13), где совершенно не заметно следов восточного влияния, приводятся только имена и лишь иногда «отчества» персонажей, — по-видимому, жившим тогда обособленно благодаря полисной автономии гражданам Эврупоса не было необходимости подчеркивать свое греческое происхождение. В первые века новой эры подобной обособленности греков, судя по документам этого времени, не существовало, хотя потомки греческих колонистов и при парфиях, видимо, сумели сохранить видное положение в городе, так как именно из этих семей происходят почти все известные нам стратеги и эписпаты. Среди представителей греко-македонских родов Дура-Эврупоса явно существовала тенденция заключать браки в своем кругу, нередко между кровными родственниками; что было, вероятно, вызвано не влиянием «варварских» обычаев, а желанием сохранить «чистоту» своего рода, обособиться от всех прочих жителей города и не делить имущества, принадлежащего семье. Однако в действительности представители этих семей постепенно ориентализируются, ярким свидетельством чему служат их изображения (в частности, фрески из так называемого храма Пальмирских богов ⁴⁴, где облик и одежда членов хорошо известной из письменных источников греко-македонской семьи — Конона — носят чисто восточный характер). С другой стороны, широкие слои негреческого населения города охотно дают своим детям греческие имена и пишут на греческом языке. Некоторые из них даже называют себя гражданами Эврупоса. Ситуация изменилась в конце II в. н. э., когда Эврупос превращается в римскую колонию и имена местных жителей становятся арамейскими или римскими ⁴⁵. Судьба греков Эврупоса была, вероятно, судьбой многих полисов Вавилонии: привилегированное положение, а следовательно, и обособленность от прочего населения страны при Селевкидах, при парфиях же — стремление сплотиться и сохранить полисное устройство.

⁴² Rostovtzeff M. I. *Πρόγονοι* // JHS. 1935. V. 55. P. 58.

⁴³ О женщинах из греко-македонских семей, носивших арамейские имена, см.: Дандамаева М. М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 166; на с. 164—167 подробнее рассмотрены вопросы этнического и социального состава населения Дура-Эврупоса.

⁴⁴ Cumont. Op. cit. T. II. P., 1926. Tabl. XXXII, XXXV, XXXVI.¹

⁴⁵ Город в 116 г. н. э. оккупировало войско Траяна, однако вскоре Месопотамия была оставлена римлянами. В 164—165 гг. н. э., во время похода Авидия Кассия против парфян, Дура-Эврупос снова попадает под власть Рима. В городе был оставлен римский гарнизон. С этого времени римские элементы в жизни Дура-Эврупоса становятся весьма ощутимыми.

ство, которое было единственным средством остаться греками. Насколько нам известно, в Дура-Эвропосе это стремление не вылилось в антипарфянское восстание, как это было в Селевкии на Тигре⁴⁶, однако потомки старых семей, даже в конце II в. н. э., когда город из Эвропоса снова превратился в Дуру, упорно называли себя гражданами Эвропоса, продолжая подчеркивать эту существовавшую, вероятно, лишь в их воображении привилегию. И все же, несмотря на все усилия, греки постепенно растворяются среди прочего населения города, и в документах римского времени их уже невозможно выделить среди персонажей, носивших смешанные греко-римско-арамейские имена.

О негреческом населении Дура-Эвропоса нам известно немногим больше, чем о «сирийцах» Селевкии. Из текстов первых веков новой эры видно, что этнический состав жителей этого расположенного на перекрестке путей города был весьма пестрым, преобладало же, судя по ономастике, арамейское население. Арамеи обитали не только в городе, но и в так называемом хоре — деревнях, окружавших его. В некоторых документах, обнаруженных в Дура-Эвропосе, контрагентами сделок являются лица с арамейскими именами, жившие в деревнях. По-видимому, эти люди приходили в город к чиновнику с тем, чтобы оформить сделку. Коренное население Дуры было, вероятно, арамейским уже в раннеселевкидское время. Свидетельством этого могут служить несколько женских имен арамейского происхождения, передававшихся из поколения в поколение в старых греко-македонских семьях города (носительницы имен, как видно в некоторых случаях, имеют хорошую греко-македонскую родословную со стороны отца и матери). Появление таких имен на фоне греко-македонской ономастики, характерной для этих семей, можно, как нам кажется, объяснить тем, что они восходят к «прародительницам» — местным женщинам, которые когда-то стали женами обосновавшихся в Эвропосе колонистов (см. прим. 43). Доселевкидское название города «Дура» тоже, возможно, восходит к какому-либо аккадскому названию (аккадское *dûru* «крепость» — элемент, с которого нередко начинались ассирийские и вавилонские топонимы⁴⁷). В Дура-Эвропосе сохранились и другие следы вавилонской культуры: теофорным элементом имен, по общему облику арамейских, служат «Набу» и «Нанайя»; встречаются, хотя и очень редко, собственно вавилонские имена⁴⁸. Кроме элементов вавилонского искусства в живописи, пластике и архитектуре Дура-Эвропоса (общий план святилищ и жилых домов⁴⁹, украшение глазурованными кирпичами⁵⁰, постановка фигур на фресках и т. д.), в слоях парфянского времени встречаются и чисто вавилонские предметы: гирьки, цилиндрические печати, амулеты⁵¹. Как и в Селевкии, в Дура-Эвропосе были обнаружены типичные для вавилонян захоронения под полом домов⁵². Вероятно, процесс арамеизации некогда вавилонского (или, скорее, асси-

⁴⁶ Южные ворота города и храм Артемиды в Дура-Эвропосе сгорели в конце селевкидского периода и позже были отстроены вновь. М. И. Ростовцев полагал, что причиной этого бедствия могло быть взятие города парфянами (*Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and its Art. Oxf., 1938. P. 16*).

⁴⁷ *Koschaker P. Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamien // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Romanistische Abteilung. 1926. Bd 46. S. 291.*

⁴⁸ *Cumont. Op. cit. P. 412—413; Prel. Rep. III. P. 64.*

⁴⁹ *Rostovtzeff M. I. Dura and the Problem of Parthian Art // YCS. 1935. V. 5. P. 205—212.*

⁵⁰ *Prel. Rep. IV. P. 48—53.*

⁵¹ См., например: *ibid. IV. P. 258—259; VI. P. 181, 209.*

⁵² *Ibid. IX. Pt II. P. 6.*

рийского) населения этой местности начался еще в доселевкийское время, но продолжался при греках.

О вавилонском субстрате арамеизированного населения Месопотамии свидетельствует также написанный по-сирийски документ (см. прим. 4), который был найден в Дуре-Эвропосе, но составлен, очевидно, в Эдессе в 243 г. н. э. Эдесса в это время была римской колонией, и неудивительно поэтому, что персонажи явно семитского происхождения (что ясно благодаря ономастике их отцов) носят римские имена. Однако в тексте встречается несколько вавилонских имен: Бел-Шу, Буссур-апат, Амат-Син и, возможно, некоторые другие. Более того, название месяца, в котором был составлен документ, — вавилонское (*аяру*). Как и в вавилонских клинописных контрактах, в конце текста названо имя писца (в греческой документации такой практики не существовало). Этот самый поздний из всех документов, содержащих следы вавилонской культуры, позволяет предполагать, что коренное население города когда-то было вавилонским.

Культура древней Месопотамии послужила и субстратом культуры Хатры⁵³, города позднееллинистического времени, расположенного в Северной Месопотамии. Об этом свидетельствуют вавилонские элементы в ономастике жителей города, вавилонские пережитки в культах и верованиях и даже название главного храма Хатры — Эсагила.

Язык документов из Дуре-Эвропоса поражает своей правильностью и чистотой, он близок к нормам аттической прозы IV в. до н. э.⁵⁴, в то время как в языке материковой Греции к началу новой эры произошли серьезные изменения. Сохранить язык (во всяком случае, письменный) почти неизменным на протяжении пятисот лет можно было только при условии обособленности греков от местных жителей. Впрочем, если язык документов остается правильным до конца II в. н. э. (ведь их, вероятно, составляли чиновники-профессионалы), то в надписях небрежная передача гласных и дифтонгов и грамматические ошибки, нередко очень грубые, становятся уже со второй половины I в. н. э. нередким явлением. Большинство этих надписей, среди которых есть и хозяйственные записи, составленные, по-видимому, сугубо для собственного употребления, сделаны негреками. Возможно, по-гречески умели читать и писать многие из контрагентов с арамейскими или иранскими именами, фигурирующие в документах из Дуре-Эвропоса, так как им приходилось ставить свои подписи в конце контракта. Лишь очень редко подписи сделаны арамейскими буквами. Однако самым ярким свидетельством широкого использования греческого языка негреками служит найденный в Дуре-Эвропосе фрагмент личного письма, условно датированный концом II — началом III в. н. э.⁵⁵ Письмо написано уверенной рукой на вполне правильном греческом языке. Лишь три последние строки текста, нацарапанные тоже по-гречески, но справа налево, выдают в авторе человека, привыкшего писать по-арамейски. Отправитель носит семитское имя Барсаббат, адресат назван Гелиодором, имя его отца иранского происхождения — Ортонофат. Таким образом, два негрека переписываются по-гречески. Трудно найти более убедительное доказательство того, что именно греческий язык стал *lingua franca* поздней Месопотамии. Языком админист-

⁵³ Шифман И. Ш. Северомесопотамский город Хатра (К истории среднеазиатского эллинизма) // ВДИ. 1985. № 2. С. 50.

⁵⁴ Welles C. B. The Hellenism of Dura-Europos // *Aegyptus*. 1959. V. 39. Fasc. 1—2. P. 25.

⁵⁵ Welles, Fink, Gilliam. Op. cit. № 46.

рации и делопроизводства греческий язык, вероятно, был уже в селевкидское время, вытеснив в этом качестве арамейский. Аршакиды, по всей видимости, заимствовали у Селевкидов язык права и администрации. Напомним, что два из трех авроманских пергаментов⁵⁶ (единственных пергаментов парфянского времени, найденных вне Дура-Эвропоса) тоже написаны на греческом языке. От имени парфянских царей издаются официальные документы на греческом языке (письмо Артабана II (III?) Сузам⁵⁷), известно несколько греческих надписей, составленных высокопоставленными парфянами, в том числе придворными Аршакидов⁵⁸. Полулегендарный философ Аполлоний, герой произведения Флавия Филострата, якобы разговаривал с парфянским царем на греческом языке, который тот знал вполне хорошо (Vit. Ap. I.32). Однако широкое использование греческого языка, сохранение греческих названий должностей и назначение греков на некоторые из них, на наш взгляд, объясняются не столько эллинофильскими склонностями парфян, сколько тем, что Аршакиды переняли у Селевкидов налаженную ими административную систему и были заинтересованы в высокой квалификации греков. Кроме того, греческая культура была в допарфянской Месопотамии культурой элиты, поэтому владение греческим языком и легкий налет эллинизации (вспомним чтение «Вакханок» Эврипида при дворе парфянского царя — Plut. Crass. 33) считались, вероятно, хорошим тоном у верхушки парфянского общества. Но раз греческим языком владели высшие слои парфянского общества и чиновники, то его было полезно и престижно знать и другим жителям страны. Если в селевкидское время наделенные полисными привилегиями греки жили обособленно от прочих жителей страны, то ограничение полисной автономии, происшедшее, по-видимому, при парфянах, способствовало ломке границ между греками и местными жителями и широкому распространению не только греческого языка, но также греческих имен и некоторых поверхностных элементов греческой культуры среди негреческого населения. Греческий язык в первые века новой эры стал, вероятно, вторым разговорным языком жителей Месопотамии. Естественно, что процесс этот был двусторонним, и тогда же происходит быстрая «порча» греческого языка, и ориентализация греков и греческой культуры.

Единственным городом селевкидской Вавилонии, судить о внутренней жизни которого можно на основании значительного числа клинописных текстов, был *Урук*⁵⁹. Этот древнейший город страны стал и одним из последних центров или даже оплотов вавилонской цивилизации, так как сохранение традиционного уклада жизни и древней культуры было, видимо, целью, которую вполне сознательно преследовали жители Урука. Население города, судя по просопографическим данным, которыми богаты урукские частно-правовые контракты селевкидского времени, было весьма однородным в этническом отношении. Имена подавляющего большинства персонажей этих документов — не просто аккадские, но типичные именно для Урука (т. е. их теофорными элементами служат имена богов, почи-

⁵⁶ Minns E. H. *Parchments of Parthian Period from Avroman in Kurdistan* // JHS. 1915. V. 35. P. 22—65.

⁵⁷ Welles C. B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy*. New Haven, 1934. № 75.

⁵⁸ OGIS II. № 430, 432. О надписях такого рода см. также: Rostovtzeff M. I., Welles C. B. *A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates* // YCS. 1931. V. 2. P. 33—34.

⁵⁹ Известно более пятисот хозяйственных текстов из селевкидского Урука (Doty L. T. *Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk*. Diss. Yale Univ., 1977. P. 48).

тавшихся в позднеахеменидское и селевкидское время в Уруке). Это относится даже к большинству урукских рабов⁶⁰. Население храмовой общины Вавилона кажется более пестрым. Другой особенностью урукского общества в эпоху Селевкидов была уходящая своими корнями в нововавилонское время⁶¹ тенденция указывать имена отца, деда и родоначальника, подчеркивая тем самым свою принадлежность к старой урукской семье. В позднем Уруке, по-видимому, сложилась своего рода «аристократия» — потомки нескольких знатных родов, составлявшие высший слой урукского общества (к родовой аристократии принадлежат известные нам правители города), связанные с храмами и обладающие там некоторыми привилегиями. Так, например, МакЮэн показал, что право на получение части доходов храма (в виде довольствия натурой), так называемых пребенд, имели в основном, если не исключительно, представители родовой аристократии⁶². Естественно, что эти люди всячески подчеркивали свое благородное происхождение и, стремясь, видимо, так же как греки позднего Дура-Эвропоса, обособиться от прочих жителей города и не делить с ними имущество и привилегии, заключали браки в своем кругу (в документах фигурирует немало женщин-контрагентов с указанием их собственных предков и предков мужа). Представители родовой аристократии составляют значительную часть персонажей клинописных контрактов. Однако в текстах упомянуто немало жителей города (ономастика их тоже в основном типично урукская), которые называли лишь имена отца и деда или только отца. Вероятно, это люди более низкого статуса, и, хотя они принимали участие в деловой жизни, сделки, заключаемые ими, как уже говорилось, не касались храмового довольствия (пребенд). С другой стороны, в протоколе собрания коллегии (?) свободных (?) (LÜ DUMU. DÜ MEŠ) Урука⁶³, датированном 303 г. до н. э., из двенадцати перечисленных членов коллегии лишь у двоих указаны родоначальники. Очевидно, гражданами Урука в селевкидское время были не только представители родовой элиты.

Урукские клинописные тексты селевкидского периода содержат некоторые сведения о социально-политической структуре города. В советской историографии принято считать, что Урук в селевкидское время представлял собой гражданско-храмовую общину, складывавшуюся в городе на протяжении нескольких веков как «...продукт постепенного слияния гражданской части города с храмовым персоналом в единый гражданский четко очерченный коллектив типа городских общин эллинистических полисов»⁶⁴. Члены общины не зависели от храмов, но были связаны с ними по традиции, получали от храма довольствие и были, вероятно, обязаны ему какими-либо повинностями. Гражданско-храмовая община была полуавтономна и имела самоуправление. Община не была замкнутой, в нее постоянно проникали *homines novi*, в частности греки⁶⁵. Вопросы становления гражданско-храмовой общины нуждаются в специальном исследовании, но, судя по опубликованным в последнее десятилетие текстам, нет оснований считать, что в селевкидское время члены гражданско-храмовой общины не зависели от храмов, а были лишь связаны с ними

⁶⁰ *Sarkisjan G. Ch. Die Sklaven im Uruk der hellenistischen Zeit // AfO. 1982. Bh. 19. S. 139.*

⁶¹ *Krückmann O. Babylonische Rechts- und Verwaltungs-Urkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Inaug.-Diss. Weimar, 1931. S. 15.*

⁶² *McEwan. Priest and Temple... P. 75.*

⁶³ *Doty. Cuneiform Archives... P. 15—16. См. также: Spek van der. Ср. cit. P. 86.*

⁶⁴ *Саркисян. Греческая ономастика... С. 181.*

⁶⁵ *Он же. Самоуправляющийся город... С. 74—76, 80.*

по традиции. Скорее создается впечатление, что центром и связующим звеном селевкидского Урука был именно храм, хотя бы потому, что правитель города (*rabû rēš āli*) и управляющий храмами (*paqdu ša bīt ilāni*) мог быть одним и тем же лицом⁶⁶ или эти должности могли занимать такие близкие родственники, как братья (ОЕСТ 9. № 42 : 7). Традиционная должность управляющего храмами (*šatammu*) в текстах селевкидского времени из Урука, в отличие от Вавилона, не засвидетельствована, а в том контексте, где прежде фигурировал *šatammu* (например, во главе храмовой коллегии LÜ UKKIN (см. прим. 18) — ОЕСТ 9. № 62 : 28; BRM 2. № 47 : 29), теперь употребляется термин *rabû rēš āli* (*ša bīt ilāni*), т. е. главой храмов является не кто иной, как правитель города. Правитель назван в текстах из Урука по-разному: *rēš āli* (*ša Uruk*) — «глава города»⁶⁷ и *rēš āli ša bīt ilāni* — «глава города храмов» (BRM 2. № 47 : 29; ОЕСТ 9. № 62 : 28). Второе высшее должностное лицо *paqdu* также могло обозначаться как *paqdu ša Uruk* — «управляющий Уруком» (ОЕСТ 9. № 42 : 7) и *paqdu ša bīt ilāni* (*ša Uruk*) — «управляющий храмами Урука»⁶⁸. Столь недифференцированное и явно не зависящее от контекста обозначение города заставляет думать, что *bīt ilāni* (храмы), *ālu ša bīt ilāni* (город храмов), *ālu ša Uruk* (город Урук) и, наконец, просто Урук — синонимы. В селевкидское время, по-видимому, храмовые власти сливаются с городскими, тем более что ни о каких других органах управления, кроме перечисленных, ничего не известно. Следует помнить, впрочем, что урукские клинописные тексты, о которых идет речь, найдены в центре города на сравнительно небольшой территории, в основном совпадающей с той площадью, которую занимали храмы. Другие районы города пока почти не раскапывались и могут в будущем принести немало сюрпризов.

Структура управления в Уруке и Вавилоне в селевкидское время, видимо, не была идентичной. В Вавилоне, в отличие от Урука, существовала традиционная должность управляющего храмом *šatammu*. Кроме того, в клинописных текстах из Вавилона встречается несколько названий гражданских должностей, в том числе клинописных транскрипций греческих терминов⁶⁹, однако имеющиеся о них сведения слишком скудны для того, чтобы сколько-нибудь надежно восстановить функции и иерархию этих должностных лиц. Вероятно, главе Эсагилы *šatammu* приходилось взаимодействовать с гражданскими правителями, а возможно, и под-

⁶⁶ Doty. Cuneiform Archives... P. 23.

⁶⁷ FB 16. № 23 : 12; ОЕСТ 9. № 42 : 6, 63 : 33; TCL 6. № 1; ADFU 3. S. 6, а также АО 3678 (см. Саркисян. Греческая ономастика... С. 196) и текст, опубликованный в работе: McEwan G. J. P. A Seleucid Tablet in the Redpath Museum // Annual Review of the Royal Inscriptions of Mesopotamia Project. 1986. V. 4. P. 33—36.

⁶⁸ КГЭ № 8 : 23; FB 16. № 1 : 23, 39, 52; ОЕСТ 9. № 61 : 32—33. В строительной надписи 244 г. до н. э. (YOS I. № 52; ADFU 3. S. 4—5) правитель города Ану-убаллит-Никарх из рода Ахуту назван *šaknu ša Uruk* (точное соответствие греческому «эпис-тат»). Впоследствии название его должности, по-видимому, меняется на *rabû rēš āli*. Менее вероятно, что обе должности существовали параллельно, так как в строительной надписи 201 г. до н. э. (ADFU 3. S. 6—7) *rabû rēš āli* фигурирует в таком же контексте, как прежде *šaknu*.

⁶⁹ Материал собран ван дер Спеком (Op. cit. P. 62—66). Интересно, что в упомянутом уже тексте парфянского времени (прим. 27) из Вавилона некий Итти-Мардук-балас-су назван *rab banī muhhi āli* (старейшина, глава города), *urpuđētu ša bitāti ilāni* (управляющий храмами). МакЮэн отметил уже удивительное совпадение значения этих должностей с урукскими *rabû rēš āli*, *paqdu ša bīt ilāni* (Priest and Temple... P. 18). Однако следует заметить, что это постановление стоит особняком среди других текстов из Вавилона, и пока трудно утверждать, что упомянутый в нем Итти-Мардук-балас-су был во главе города, как его урукские собратья. Не ясно, кроме того, как соотносились его должности с должностью *šatammu* Эсагилы, фигурировавшего в том же тексте.

чиняться им, поэтому не исключено, что укоренившийся в советской историографии термин «гражданско-храмовая община», хорошо отражающий характерное для селевкидского Урука слияние города и храмов, соединение гражданской и храмовой властей, плохо применим по отношению к Вавилону. Общим же для Урука и Вавилона был храмовый характер этих общин, и если в управлении и структуре Урука в селевкидское время произошли какие-то изменения (в отличие от более традиционного Вавилона), то нет оснований объяснять эти изменения стремлением урукитов моделировать свою общину по образцу греческого полиса ⁷⁰. Гораздо более убедительным кажется нам выдвинутое ван дер Спеком предположение о типологической близости вавилонских храмовых общин селевкидского времени с иерусалимской храмовой общиной, во главе которой стояли первосвященник и храмовая коллегия (ср. LU UKKIN Урука и Вавилона), и теократическими общинами Малой Азии ⁷¹.

Гражданско-храмовая община Урука, по всей видимости, пользовалась привилегиями в государстве Селевкидов, и главной из них было невмешательство во внутренние дела общины со стороны царя, возможность жить по старым обычаям. Не приходится сомневаться в том, что Селевкиды оказывали покровительство вавилонским храмам. Достаточно вспомнить приказы Александра о расчистке развалин Эсагилы, рассказы Павсания о «благочестии» Селевка I по отношению к храмам Вавилона, участие Антиоха I в обряде закладки фундаментов Эсагилы и Эзиды и жертвоприношения, сделанные этим же царем в храме бога луны Сина в Уре (ABC. № 11) ⁷². В Уруке в селевкидское время было сооружено или восстановлено несколько храмов (святилище бога небес Ану и его жены Анту — Бит-Реш, святилище Иштар и Нанайи — Иригал, дом для новогодних торжеств в окрестностях Урука — Бит-Реш) и перестроен древнейший храм города — Эанна. Число культовых текстов селевкидского времени из Урука велико по сравнению с предыдущим, ахеменидским, периодом. Весь уклад жизни города был традиционно вавилонским. Урукские писцы переписывали древние культовые тексты на аккадском и шумерском языках и регистрировали часть сделок в традиционной клинописной системе письма, даже частная переписка могла вестись по-аккадски. Урукиты давали своим детям по большей части традиционные аккадские имена, в городе тщательно сохранялся аккадский язык, который, по всей видимости, в селевкидское время продолжал оставаться разговорным языком в храмовых вавилонских общинах ⁷³. При этом в таких городах должно было существовать аккадско-арамейское двуязычие. Греческий язык в обыденной жизни селевкидского Урука был, по-видимому, мало распространен. Как заметил МакЮэн, номенклатура храмовых должностей и некоторые другие черты в жизни урукских храмов производят впечатление сознательного стремления к архаизации (так, все персидские названия должностей, в отличие от Вавилона, там снова заменяются аккадскими ⁷⁴). Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, складывается впечатление, что сохранение вавилонской культуры в селевкид-

⁷⁰ См., например: *McEwan. Priest and Temple...* P. 157 f.

⁷¹ *Spek van der*. Op. cit. P. 62. Эта аналогия, как нам кажется, гораздо больше подходит для Урука, чем для Вавилона, в котором, как уже говорилось, храмовая и гражданская власть, возможно, были разделены.

⁷² О взаимоотношениях Селевкидов с вавилонскими храмами см.: *McEwan. Priest and Temple...* P. 193—196.

⁷³ Подробнее об этом см.: *Дандамаева М. М.* Письмо из селевкидского Урука (к вопросу о «смерти» аккадского языка) // ВДИ. 1987. № 4.

⁷⁴ *McEwan. Priest and Temple...* P. 185.

ское время связано с функционированием храмов, которые были последним оплотом этой культуры, причем оставались таковыми в значительной степени по вполне сознательному желанию ее носителей. Вокруг храмов складывалась довольно однородная в этническом отношении и достаточно замкнутая община. Однако количество вавилонских храмов в селевкидское время уменьшается буквально на глазах. В начале селевкидского периода функционировал Эгишнугаль — храм Сина в Уре. Известно несколько клинописных текстов конца IV в. до н. э. из Ура, но впоследствии храм, вероятно, теряет свое значение. Клиннописные источники из Киша иссякают в конце 70-х годов III в. до н. э., из Ларсы — в последней четверти III в. до н. э. Некоторые боги из не функционировавших более храмовых общин перебираются в сохранившиеся центры вавилонской культуры: в храмах Урука и Вавилона отводятся ниши для изгнанных богов⁷⁵. Бывшие храмовые города, однако, как это видно из археологических находок, не прекращают своего существования. Вероятно, в тех местах, где храмы по каким-либо причинам переставали функционировать, происходила постепенная ассимиляция вавилонского населения с окружавшим его арамейским.

В текстах селевкидского и раннепарфянского времени из Урука встречается более 20 греков (точнее, людей с греческими именами, имеющих только греческие имена в своей родословной)⁷⁶. В связи с этим встает вопрос о положении греков в Уруке и степени эллинизации этого города. Существуют две противоположные точки зрения на эту проблему: М. И. Ростовцев полагал, что Урук стал в селевкидское время полугреческим городом и значительная доля его деловой жизни была сосредоточена в руках греков⁷⁷, по мнению же ассириологов, наиболее четко выраженному Эльснером, эллинизация почти не коснулась Урука, ею в незначительной степени были затронуты лишь высшие и средние слои общества⁷⁸. Утверждение Ростовцева основано на том обстоятельстве, что в Уруке было найдено несколько сот комочков глины с оттисками печатей, которыми запечатывались написанные на пергаменте и не сохранившиеся до наших дней документы. Большинство этих печатей — типично греческие и по сюжетам и по исполнению, но, как установлено самим Ростовцевым, — все это официальные печати царских чиновников-хреофилаксов. Наличие таких печатей на документах свидетельствует лишь о том, что в городе находились царские чиновники (причем некоторые из них могли быть и негреками), которые взимали с урукитов налоги в пользу царской казны, а отсюда еще не следует, что Урук стал «полугреческим» городом. Что же касается утверждения Ростовцева о том, что деловая жизнь города была сосредоточена в руках греков, то оно опровергается цифрами: по подсчетам Доти из 535 документов урукского корпуса греки являются контрагентами лишь в девяти⁷⁹. Судя по клинописным контрактам, число греков в Уруке было очень невелико: около (или чуть более) одного процента населения города. Причем греки не были во всем равны представителям урукских родов: они не имели, по всей видимости, прав на приобретение храмового довольствия, так как нам не известны греки — контра-

⁷⁵ Ibid. P. 189.

⁷⁶ О греках из Урука и урукитах с греческими именами см.: *Саркисян. Греческая ономастика...*

⁷⁷ *Rostovtzeff M. I. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions* // YCS. 1932. V. 3. P. 60.

⁷⁸ *Oelsner. Op. cit. S. 60.*

⁷⁹ *Doty. Cuneiform Archives...* P. 156. Table VI. Доти не учитывает здесь сделок, заключенных Антиохидой, женой правителя города Ану-убаллита-Кефалона.

генты сделок, объектом которых служили пребенды. Единственное исключение — Антиохиды, связанная брачными узами с родом Ахуту (VS 15. № 7). Еще меньше, чем греков, насчитывается в Уруке коренных его жителей, имеющих греческие имена (т. е. урукитов с греческими именами, указавших предков с аккадскими именами). Причем клановая элита, по-видимому, была подвержена эллинизации не больше, а скорее всего даже меньше, чем прочие слои урукского населения. Во всяком случае, представители родовых объединений крайне редко давали своим детям греческие имена. Известен лишь один урукит с греческим именем, принадлежность которого к роду Луштаммар-Адада надежно засвидетельствована⁸⁰. Все остальные представители родовых объединений, обладавшие греческими именами, были членами семьи правителей города Ану-баласу-икби из рода Ахуту и его сына Ану-убаллита-Кефалона, что, вероятно, объяснялось политическими причинами. Прочие же носители греческих имен не принадлежали к родовым объединениям. Поэтому нам представляется спорным утверждение Эльснера о том, что эллинизация коснулась в основном высших слоев урукского общества (см. прим. 78). Скорее, как нам кажется, именно представители урукской «аристократии» были поборниками традиционной культуры, они, насколько можно судить по личным архивам урукитов, бережно хранили древнюю письменность, язык, литературу и искусство, во всяком случае, храмовую архитектуру. Новые вкусы коснулись лишь малых форм: терракот, среди которых встречаются изготовленные греческими мастерами или в греческой манере исполнения, и печатей. Судить о личных печатях жителей селевкидского Урука мы можем только по небольшому числу прорисовок, сделанных в изданиях клинописных текстов. В основном изображения на печатях были выполнены в традициях вавилонской глиптики, однако есть и несколько явно греческих печатей, которые принадлежали представителям родовой аристократии (на клинописных табличках рядом с оттиском печати писали имя ее владельца). Вероятно, новые веяния в глиптике заимствовались легко и быстро, это и понятно — ведь греческие печати можно было просто купить, а стоили, они, скорее всего, дороже местных, поэтому могли свидетельствовать о благосостоянии и изысканных вкусах владельца.

Незначительное число встречающихся в урукских текстах греков Доти объясняет тем, что рядом с урукской общиной существовал греческий полис⁸¹. Это предположение основано на происхождении одного из урукских документов (271/270 г. до н. э.): Антиохия на канале Иштар⁸². Однако, по всей видимости, верна догадка ван дер Speка, считающего, что Антиохия на канале Иштар — не что иное, как греческое название Урука, канал Иштар — основная водная артерия Урука, а писец и контрагенты — урукиты, хорошо известные по другим документам из этого города⁸³. Никаких следов греческого влияния, кроме названия города, в этом клинописном тексте не наблюдается. Ван дер Спек полагает, что в Уруке, как и в Вавилоне, существовали две общины: вавилонская и греческая, основанная Антиохом I⁸⁴. Очевидно, в 70-е годы III в. до н. э. Урук дей-

⁸⁰ Саркисян. Греческая ономастика... С. 202 сл.

⁸¹ Doty. Cuneiform Archives... P. 158.

⁸² NCBT 1942. Опубликовано в работе: Doty. Cuneiform Archives... P. 193 f.

⁸³ Rec.: Spek van der R. J. On: Die antike und die altorientalische Komponente im Hellenismus. Beiträge des Kolloquiums, Hartenstein, 1976 // Bibliotheca Orientalis. V. 37. № 3/4. P. 254.

⁸⁴ Spek van der. Op. cit. P. 89.

ствительно попадает в поле зрения Селевкидов: там проводятся административные реформы⁸⁵, туда посылают чиновников-греков, город получает греческое название⁸⁶. Однако пока нет ни археологических, ни письменных свидетельств существования рядом с Уруком греческой колонии. Более того, те греки, которые известны нам из клинописных контрактов, жили, как видно из тех же контрактов, рядом с урукитами, а не в отдельном квартале, участвовали в деловой жизни урукитов, регистрируя при этом сделки в клинописной системе письма, выступали в качестве свидетелей сделок. Все это может говорить об отсутствии греческого полиса рядом с Уруком, иначе что заставило бы отдельных греков селиться среди чуждого им населения и подчиняться чужим законам? Кроме того, это упоминание Антиохии — единственное в клинописных источниках, даже на официальных печатях, найденных в Уруке, город назван "Orroi (греческий вариант шумерского UNUG), под этим же именем знают его и античные авторы⁸⁷. Следовательно, греческое название Урука не прижилось в отличие от греческого названия Дуры, Описа и других городов Вавилонии, не прижилось, возможно, именно потому, что в Уруке не было греческого полиса или политевмы, к которым бы относилось это название. Впрочем, как уже говорилось, значительная часть территории города не была раскопана, и не исключено, что в будущем мы получим археологические доказательства существования в селевкидском Уруке хотя бы греческого квартала.

Конец правления Селевкидов стал концом благополучия Урука. Бит-Реш был укреплен в конце селевкидского периода и несколькими годами позже сожжен, Иригал тоже был разрушен в конце правления Селевкидов. Количество клинописных документов резко сократилось уже в начале парфянского периода, последние из них датируются 20-ми годами II в. до н. э. Единственное исключение — недавно опубликованный контракт 108 г. до н. э.⁸⁸ В документе в не вполне ясном контексте упомянуты два лица: Багой, другое имя которого Никанор, и Ану-бел-шуну, другое имя которого Гераклид. Должности их не названы, но как полагает Кесслер, речь идет о gabû reš āli и raqdu, в присутствии которых, как это иногда случалось (ср. ОЕСТ 9. № 42), происходила регистрация сделки⁸⁹. Вполне возможно, впрочем, что это были царские чиновники, а не правители города⁹⁰. Один из них — урукит, другой — парфянин, и это не случайно, так как в тексте 77 г. до н. э. из Вавилона (см. прим. 24) упомянут человек с иранским именем, исполняющий обязанности šatamti Эсагилы.

Как бы ни были скудны имеющиеся в нашем распоряжении данные,

⁸⁵ Doty. Cuneiform Archives... P. 308—335.

⁸⁶ Ван дер Спек обратил внимание на то, что примерно в это же время (в 274 г. до н. э.), по свидетельству клинописного источника (см. прим. 12), Антиох I переселил часть жителей Вавилона в Селевкию. Возможно, оба эти события были частью единой системы преобразований Антиоха I.

⁸⁷ Plin. NH. VI. 123, 130; Ptol. Geogr. V. 18, 19; Strabo. XVI. 1.6.

⁸⁸ Kessler K. Eine Arsakidenzeitliche Urkunde aus Warka // BaM. 1984. Bd. 15. S. 273—281.

⁸⁹ Ibid. S. 281.

⁹⁰ Этот текст заставляет вспомнить письмо парфянского царя Артабана II (?) жителям Селевкии на Эвлее — Суз (см. прим. 57), из которого видно, что в городе находилось два царских чиновника (Кошеленко. Греческий полис... С. 118. Прим. 264): парфянин и представитель местного (в данном случае греческого) населения. Почти 150 лет отделяют письмо Артабана от урукского текста, однако эти годы прошли под властью одной и той же династии Аршакидов, методы правления которых, вероятно, мало менялись.

они свидетельствуют, как кажется, о том, что ситуация в Вавилонии с приходом парфян изменяется. Следы пожаров в Дура-Эвропосе, Селевкии, Уруке (в отличие от первых двух городов позже не восстановленном), свидетельство Диодора о правлении Гимера, сжегшего храмы в Вавилоне и продавшего в рабство многие семьи вавилонян, и слова Диона Кассия о разрушении города парфянами, постоянная враждебность Селевкии по отношению к парфянам и резкая деградация Урука в начале парфянского периода — все это говорит о том, что правление Аршакидов оказалось менее благоприятным и для греческих и для вавилонских городов Вавилонии, чем царствование Селевкидов. Вероятно, был нанесен удар по самоуправлению этих городов, на что указывает, в частности, появление людей с иранскими именами во главе городов и храмов.

Урук, несмотря на прекращение функционирования храмов в парфянское время, как свидетельствуют археологические находки, был обитаем: в восточной части города раскопаны остатки строений парфянского времени, известные как «парфянский дворец» или «парфянские руины»; на холме, расположенном юго-восточнее центральной (храмовой) части Урука, было воздвигнуто небольшое святилище (так называемый храм Гареуса), на пепелище же урукских храмов теперь появились бедные жилые дома. Не ясно, однако, каков был этнический состав населения Урука в парфянское время. Лакуна в нумизматических находках (приблизительно от 130 г. до н. э. до конца I в. н. э.), как полагает Эльснер, свидетельствует о том, что между разрушением храмов и возникновением нового поселения на территории Урука прошло некоторое время⁹¹. Изменения в способе захоронения, происшедшие в парфянское время, говорят об изменении в этническом составе населения⁹². Можно предположить, что Урука, как и Вавилона, коснулась переселенческая политика парфян и часть местного населения была депортирована. Единственный письменный памятник, оставшийся от нового населения Урука, — это греческая надпись из храма Гареуса, датированная 111 г. до н. э.⁹³ На каменной стеле вырезан типичный греческий почетный декрет в честь одного из граждан неизвестной нам из других источников общины Долламенов, носившего два имени — греческое и арамейское. Надпись не содержит никаких следов той традиционной вавилонской культуры, которая господствовала в Уруке в селевкидское время. По смешению греко-арамейских элементов она больше всего напоминает тексты первых веков новой эры из Дура-Эвропоса и подтверждает факт широкого распространения греческой культуры и языка в парфянской Вавилонии. Надпись более чем на двести лет отстоит от последних урукских клинописных документов. По-видимому, за это время в Уруке развивался тот же процесс, который ранее произошел в других вавилонских городах: арамеизация населения, связанная с разрушением гражданско-храмовой общины, ставившей, очевидно, труднопреодолимую преграду между членами общины и прочим населением страны и тем самым способствовавшей этнической однородности населения городов.

Греческий полис и вавилонская община были похожи не только по своей структуре и месту в империи Селевкидов: и полис и община обеспечивали сохранение традиционной культуры, которой угрожало растрове-

⁹¹ *Oelsner. Op. cit.* S. 97, 351. № 313.

⁹² *Ibid.* P. 91—92.

⁹³ *Meier Ch. Ein griechisches Ehrendekret vom Gareustempel in Uruk // BzA. 1960. Bd. I. S. 104—114.*

ние в культуре окружающей массы населения. Поэтому культура полиса и храмовой общины была консервативна, граждане полиса и общины стремились сберечь старое, а не создавать новое. Вследствие замкнутости полиса и вавилонской храмовой общины и приверженности их жителей к традиционной культуре контакты между греками и вавилонянами в селевкидское время были ограничены и коснулись в первую очередь административной жизни. В клинописных текстах селевкидского и раннепарфянского времени из Урука и Вавилона встречаются заимствования из греческого языка, в основном греческие названия должностей. Вся административно-политическая система в Уруке была своего рода компромиссом, так как сделки в зависимости от ее объекта регистрировались на глиняной табличке или на пергаменте ⁹⁴ (возможно, по-гречески). В Вавилоне в эпоху Селевкидов впервые установилось непрерывное летосчисление — селевкидская эра, по которой датировались документы, написанные даже несколькими веками позже завоевания Вавилонии (надпись из храма Гареуса, текст из римской Эдессы). Самым же серьезным заимствованием вавилонян у греков был алфавит: вавилоняне, оценив простоту греческого письма, приспособили его для своих нужд и начали писать аккадские тексты греческими буквами ⁹⁵. Однако в целом знакомство вавилонян с греческой культурой кажется поверхностным. Вавилоняне заимствовали у греков в основном то, что легко было заимствовать, что не требовало изучения и переработки чужой культуры, или же наоборот, то что они вынуждены были заимствовать, как, например, изменения в административной системе. Иначе дело обстояло с греками, которые взяли в культуре вавилонян то, что с их точки зрения представляло интерес и было полезным. В первую очередь это касается науки: как известно, греки заимствовали у вавилонян таблицы многолетних наблюдений за движениями небесных светил и способы вычисления небесных явлений, в более позднее время огромное влияние на умы греков имела астрология. Вероятно, ученые были знакомы и с материалом, накопленным вавилонянами в других областях знаний, например, со списками камней (Plin. NH. XXVII. 169). Заимствование греков было выборочным и требовало изучения и понимания чужой культуры. В этом и состояли положительные результаты походов Александра: греческая культура получила новую, более широкую основу для своего развития. В целом греческая культура эллинистического периода была качественно новой, она значительно отличается от греческой культуры классического периода, в вавилонской же культуре селевкидского времени качественных изменений по сравнению с предыдущими периодами незаметно. Можно предполагать, что греческие ученые, жившие в Вавилонии, были посредниками между греческой и вавилонской наукой.

Ситуация в Вавилонии меняется в парфянное время, когда ломка границ, смешение народов, языков, культур достигают своего апогея. Греки и вавилоняне постепенно растворяются среди прочего населения страны, при этом вавилонская культура почти не оставляет следов, греческая же находит широкое распространение. Если в столкновении греков и вавилонян обе стороны обладали весьма высокой культурой, то в парфянное время соотношение между культурным уровнем завоевателей и покоренных ими греков было совершенно иным. Парфяне, отвоевав власть у греков и, вероятно, притесняя их, заимствуют многое из их культуры:

⁹⁴ Doty. Cuneiform Archives... P. 334 ff.

⁹⁵ Список литературы по этому вопросу: Oelsner. Op. cit. S. 239, 470 f.

прежде всего язык (вероятно, не в повседневной жизни, а в администрации, делопроизводстве и, может быть, при дворе) и элементы искусства. Греческая культура и в парфянское время остается культурой высших слоев общества, но это уже не греческие, вернее, не только греческие слои.

Греческий язык и греческая культура в парфянское время были широко распространены среди населения Переднего Востока. Вспомним иудея Иосифа Флавия и сирийцев Луккиана и Ямвлиха, писавших на греческом языке. Греческий язык был хорошо известен негреческому населению Дура-Эвропоса. Однако в широком распространении греческой культуры таилась ее гибель. Эллинизация в парфянское время стала тонким слоем лакировки, скрывавшей восточную культуру, которая представляла собой смесь иранско-семитских элементов⁹⁶. Поэтому распространенное мнение о том, что в течение селевкидского периода происходит постепенная эллинизация местного населения, а потом начинается обратный процесс — ориентализация греков, на наш взгляд, слишком схематично. Эллинизация местного населения и ориентализация греков — процессы не последовательные, а одновременные и взаимообусловленные. Что же касается вавилонской культуры, то она в первые века новой эры была забыта. Вавилонские элементы, которые мы находим в поздневосточной культуре первых веков новой эры (например в документе из Эдессы), были лишь пережитками старины⁹⁷, вавилонское происхождение которых, возможно, уже не осознавалось. Вавилонская культура послужила тем фундаментом, на котором возникла культура эллинистического Востока, греческая — катализатором новых процессов, происходивших в ней.

ASPECTS OF THE HISTORY OF HELLENISM IN BABYLONIA

M. M. Dandamayeva

The traditional chronology of Hellenism is very arbitrary as regards Babylonia, where the Greek language and culture, retained significance to the end of the second century A. D. In the author's opinion the Hellenistic period in Babylonia was succeeded by a Sassanid period; Seleucid and Parthian periods should also be distinguished within the Hellenistic age.

The majority of the population in Hellenistic Babylonia was a motley assemblage of peoples speaking Aramaic, among whom the Greeks and Babylonians living there faced dissolution. The means of maintaining themselves as a people, and of keeping up their customs, culture and language, was the *polis* for the Greeks, and for the Babylonians the temple community, which was quite a closed and ethnically uniform collective, living in accordance with traditional principles. The culture of the *polis* and of the community was conservative, since members of these associations strove in the main to preserve the cultural achievements of their ancestors. But there was already a mutual influencing of the Greek and Babylonian cultures in Seleucid times; moreover scholars from the Greek towns of Babylonia probably played a role of intermediaries between the material accu-

⁹⁶ Об иранско-семитской культуре Переднего Востока в парфянское время см.: Widengren G. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln — Opladen, 1960.

⁹⁷ О пережитках вавилонской культуры в культуре Переднего Востока парфянского и сасанидского времени см.: Eilers W. Iran und Babylonien zwischen Alexanderzeit und Islam // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1984. Bd 17. S. 208—210, 213, 216, 218.

culated by Babylonian science and the rapidly developing culture of Hellenistic Greece. Greeks took from the Babylonian culture what interested them and was useful, and which encouraged further development of their own science and culture; Babylonians' acquaintance with Greek culture was much more superficial.

The limiting of the autonomy of the Greek towns and the Babylonian temple communities under the Parthians accelerated mixing of the peoples and cultures in the Near East, which led to complete dissolution of the Greeks and Babylonians among the surrounding population. Babylonian culture disappeared in those conditions, after serving as the substratum of the Irano-Semitic culture of Mesopotamia in the first centuries A. D.; Greek culture was much more broadly disseminated in the Parthian period than under the Seleucids.
